СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА: МНОГОЗНАЧНОСТЬ VS ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ

М.Ю. Евтеева

В данной статье сопоставляются возможности построения семантической структуры многозначных и широкозначных слов. Предлагается определять значения полисемантов как лексико-семантические варианты, объединение которых посредством инвариантного значения возможно, но не является облигаторным. В качестве основы структурирования значения платееосеманта выдвигаются прототипические значения, трактуемые как основные; они, в свою очередь, объединяются широким инвариантным значением. Такой подход применяется к описанию семантики глаголов с общим значением *делать* (в немецком языке *machen* и *tun*, в английском – *make* и *do*, в русском – *делать*). Оба типа значения играют принципиально важную роль в семантической структуре платееосеманта: инвариант единичен, в то время как прототипов может быть больше одного, вследствие чего в речи реализуется инвариантное и определённое прототипическое значение. Кроме того, можно предположить наличие отношений семантической деривации между прототипами. Семантическое развитие также фиксируется в рамках самого такого значения. Количество семантических переносов может быть довольно большим, однако они происходят по регулярной когнитивной модели. Например, прототипическое значение глагола типа *делать* сохраняется тем же, меняется только характер объекта. На основании проведённого исследования предлагается новое определение феномена широкозначности, а также различительные критерии для явлений поли- и платееосемии.

Ключевые слова: семантическая структура; слово широкой семантики; полисемия; прототипическое значение; инвариантное значение; метафора; метонимия.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD: POLYSEMY VS BROAD SEMANTIC WORD

M.Yu. Evteeva

The paper deals with the modeling of the semantic structure of polysemantic and broad semantic words. The article suggests determining meanings of polysemantic words as lexical-semantic variants that potentially can be united by means of the invariant meaning though not obligatory for the semantic structure of such words – the invariant meaning of a polysemantic word is seen as something artificial. I argue that it is possible to construct the semantic structure of the broad semantic word on the basis of prototypical meanings which are interpreted as basic meanings. Such prototypical meanings are to be united by the use of a broad invariant meaning. This approach is applied while describing the semantics of the nuclear verbs in the action field (*do* and *make* in English, *tun* and *machen* in German, *делать* in Russian). Both types of meanings play a critical role in organizing the semantic structure of the broad semantic words: there is a single invariant while there can be more than one prototype, so that an invariant and definite prototype value is realised in speech. In addition the existence of interdependence of semantic derivation between prototypes and within the meaning itself is assumed. There can be a lot of semantic transfers, but they occur based on a regular cognitive model such as cognitive metaphor and cognitive metonymy. For example, the prototypical meanings of the verbs *to do* and *to make* remain the same while the nature of the object changes. Based on the conducted research, a new definition of a broad semantic phenomenon is offered along with distinctive criteria for the phenomena of poly- and broad semantics.

Key words: semantic structure; broad semantic word; polysemy; prototypical meaning; invariant meaning; metaphor; metonymy.

Введение

Проблема значения слова продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в лингвистике, о чём свидетельствует большое количество работ по семантике, отражающих стремления исследователей наиболее точно и систематизированно с учётом знаний, полученных на новом этапе развития науки о языке, описать информацию, вносимую лексической единицей. При этом в применении к конкретной парадигме нередко подвергаются корректировке толкования терминов и принципы построения семантической структуры.

Так, сам термин *значение*, представляющий собой, по сути, краеугольный камень в филологии, получил целый ряд определений, в которые включают такие слова, как *смысл*, *идея*, *содержание*, *понятие* и т.д. Поэтому вполне закономерно, что и при решении проблемы семантического структурирования слова нет единообразия, где предлагается различный «строительный материал», например, *лексико-семантический вариант* (ЛСВ), *инвариант*, *прототип*.

Даже в отношении противопоставления *омонимия* vs *полисемия* точки зрения расходятся. Так, в

Евтеева Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва).

Evteeva Mariya Yurievna – Candidate of Philology, freelancer (Moscow).

E-mail: korchagina_masha@yahoo.com

© Евтеева М.Ю., 2021

словаре Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache (2000) приводятся два слова-омонима – 1 *tun* (полнозначный глагол) и 2 *tun* (вспомогательный глагол), в то же время в большинстве других словарей (Wahrig Bd. 6: Deutsches Wörterbuch (1997), Duden, Deutsches Universalwörterbuch (2003) и т.д.) для *tun* имеется одна статья, включающая ряд значений, в том числе и *tun* как вспомогательный глагол, т.е. слово считается многозначным; о широком значении этого глагола не упоминается в силу недостаточной изученности и сложности понятия *широкозначность* (или *платеосемия*). Этот термин, как правило, оставляют без внимания даже учебники по языкознанию, авторы которых ограничиваются рассмотрением полисемии в её соотношении с омонимией, реже – с моносемией. Платеосеманты же (*идти, дело, take*) часто приводят именно в качестве примеров многозначных слов.

Это связано с тем, что платеосемия явно осознаётся как явление, отличное от полисемии, – значение платеосемантов сложнее поддаётся формулировке, в отличие от значений полисемантов, у которых чётко выделяется ряд лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Так, значение глагола *делать*, как правило, в лексикографических источниках или при опросе носителей языка раскрывается либо посредством синонимов (*заниматься, исполнять* и т.д.), либо с помощью ассоциативных примеров (*делать дело, уроки, деньги, добро*). Заметим также, что вне речи полисемант соотносится скорее с первым основным ЛСВ, номинативно-непроизводным значением (ННЗ), хотя и его определение весьма спорно – оно может зависеть от ряда социальных факторов (возраст, образование, профессия, место проживания и т.д.), обуславливающих субъективное восприятие внеязыковой действительности, что получает отражение в личной языковой картине мира.

Исследования в сфере широкозначности

Лингвисты обратились к разработке проблемы широкозначности ещё в середине XX в. в связи с исследованием связочных глаголов английского языка в составе именного сказуемого – широкое значение указанных единиц характеризуется как отвлечённое, крайне обобщённое понятие [26: с. 47], отмечается перераспределение лексического и грамматического значений между компонентами составного именного сказуемого [4: с. 13]. Само определение *широкозначности* впервые было сформулировано Н.Н. Амосовой в 1963 г., понимавшей под этим явлением «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [1: с. 114]. Тем не менее, как представляется, это определение

релевантно и для многозначности, так как конкретный ЛСВ актуализируется именно в контексте. В свою очередь, полисемия в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяется как «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [3: с. 335], что, по нашему мнению, актуально и для платеосемии. Отметим, что по вопросу семантического развития слова, связанного, главным образом, с метафорическими и метонимическими переносами, благодаря которым лексическая единица приобретает новые значения, существует относительное единство мнения.

Таким образом, в целом признаётся возможность наличия у слова нескольких значений, которые можно представить в виде структуры при указании их взаимосвязи (семантической деривации). Кроме того, выделяются единицы, обладающие широким значением, структурирование которого весьма затруднительно из-за большой степени обобщённости и абстрактности, такое значение едино, целостно и даже инвариантно [10: с. 12; 14: с. 102; 15: с. 83–84]. Отметим также наличие особого мнения, согласно которому оба явления перекрещиваются: широкозначность сосуществует с многозначностью в пределах семантической структуры одной языковой единицы, т.е. платеосемия предстаёт внутренней характеристикой отдельных ЛСВ в структуре полисеманта [2: с. 127]. Осветим нашу точку зрения по этой проблеме.

Основания семантической структуры у поли- и платеосемантов

Представляется целесообразным для построения семантической структуры единиц разных типов использовать отличающиеся основания. При этом значение понимается как информация, вносимая языковым знаком об объекте внеязыковой действительности [17: с. 35–36]. Частные значения полисеманта определим как ЛСВ – потенциально типовые сочетания, с разных сторон характеризующие единое смысловое целое слова и в своей совокупности представляющие значение слова [7: с. 125–126]. Кроме того, то общее, что содержится в ряде ЛСВ полисеманта, может объединяться инвариантным значением, под которым понимается регулярно обнаруживающийся в ряду значений семантический компонент, результат «осмысления и объединения» [20: с. 81] общих свойств вариантов в виде дескрипции определённой степени абстракции. Инвариант обеспечивает тождество слова, гарантируя воспроизводимость слова, т.е. регулярное употребление как конкретной единицы языка в различных контекстах, удовлетворяющих семантическим критериям данного слова. Однако, по мнению ряда исследователей, в случае полисемии инвариантное значе-

ние – результат «вмешательства» со стороны лингвистов, что имеет целью «упорядочивание» знания, но не проясняет суть предмета изучения (см., например, [9: с. 47–55; 10: с. 13; 22: с. 415; 25: с. 82–83]). Связано это с тем, что часто инвариантом считают ННЗ, «учиняется произвольная расправа над реальным многообразием значений», а также устраняется различие между «концептуальным и экспрессивным планами выражения» [9: с. 47–55]. Кроме того, полисемия, как известно, может быть радикальной и цепочечной. В первом случае инвариант, видимо, действительно возможен, так как это общая часть пересекающихся значений. При цепочечной же полисемии крайние значения связаны друг с другом посредством одного или ряда значений, следовательно, общая часть у них отсутствует. Таким образом, в силу своей искусственности наличие инварианта в структуре полисеманта, значения которого мы соотносим с ЛСВ, не является облигаторным.

В качестве же основы построения структуры значения платееосеманта мы предлагаем использовать **прототип**. В семантике не раз имело место обращение к проблеме прототипа, но в целом можно говорить о трёх основных подходах.

Термин прототип был введён Э. Рош, понимающей под ним «самые явные члены категории» [30: с. 38] и, по сути, применившей к теории поля новые термины. Как отмечает О.Н. Селивёрстова, Э. Рош делает акцент на описании денотатов, а не значений языковых единиц. Применительно к платееосемантам такими «явными» (лучшими) членами категорий следовало бы считать более частотные значения, из-за чего большая часть спектра широкого значения осталась бы неохваченной. Таким образом, определение прототипа как лучшего представителя не позволяет решить проблему организации семантической структуры платееосеманта.

Согласно второй трактовке прототип фактически соотносят с инвариантом слова [5: с. 30–31; 14: с. 61; 18: с. 124], мы же, как будет показано ниже, разводим эти понятия и полагаем, что оба типа значений важны в структуре платееосеманта.

При третьем подходе, разделяемом нами, прототип трактуется как «исходное» или «основное» значение слова. Это наиболее близко к толкованию слова *прототип* в естественных языках – *прообраз, первоначальный образец* (см., например, [19: с. 498; 27: с. 559; 31: с. 701]). Значит, согласно требованию Дж. Лайонза к материальной адекватности термина, такое понимание прототипа вполне обосновано. Аналогичную трактовку находим у О.Н. Селивёрстовой: «...понятие прототип в сущности соответствует старому понятию "исходного, или основного" значения» [16: с. 21].

Наличие прототипической основы платееосеманта и мотивированность семантических сдвигов относительно неё признаётся также М.В. Никитиным: «...здесь прослеживается, хотя и в ослабленном виде, фактор исходного значения слова, прототипически сдерживающий размах семантической мотивированности слова в некоторых рамках». По мнению учёного, «силы тяготения» исходного прототипического ядра слова перестают действовать на периферии содержательного единства слова, из-за чего происходит распад на полисемию и омонимию [13: с. 108–109], что, однако, весьма сложно идентифицировать.

Возможность соотнесения значения платееосеманта с прототипом присутствует в идеях Е.С. Кубряковой, предложившей классификацию [11: с. 17], в которой слова противопоставляются как категориальные сущности. На основании кластеров признаков, организующих категории в единства, предлагается различать категории:

- по числу кластеров (однофокусные, двухфокусные и многофокусные категории);
- по варьированию признаков внутри кластеров (категории, построенные по прототипическим признакам vs категории, где переход от одного кластера к другому сопряжён с изменением главного признака кластера);
- по содержанию признаков в кластере (категории с перцептивными / неперцептивными (абстрактными) / смешанными свойствами).

В нашей трактовке первое различие соотносится с количеством значений слова (ЛСВ у полисеманта и прототипов у платееосеманта); второе непосредственно коррелирует с противопоставлением широкозначности и многозначности, хотя Е.С. Кубрякова конкретно на это не указывает; третье имеет отношение к семантическому развитию внутри значения.

Таким образом, прототипическое значение как основное применимо к исследованию широкозначности, такой подход позволяет сузить число семантических элементов платееосеманта до минимально необходимых, что могло бы определить характер его фокусности. Прототипическое значение должно максимально полно отражать черты соответствующих ему денотативных ситуаций.

При такой трактовке прототипические значения соотносимы с базовым уровнем категоризации, где в качестве категорий выступают объединения, центрирующие наиболее релевантные для обыденного сознания свойства. В повседневной жизни человек обычно оперирует естественными, более простыми, частотными и используемыми для описания многих ситуаций, но при этом крайне информативными категориями, сформированными на «среднем» уровне абстракции [12: с. 14–15]. Такие

категории определяются как гештальты, качества которых не вытекают из свойств частей, а присущи им в целом [23: с. 103]. Они позволяют легко определять объект, для предикатов – денотативную ситуацию. Такие единицы первыми устанавливаются при онтогенезе и известны большинству говорящих [12: с. 15]. Ю.Н. Караулов считает гештальты принадлежностью промежуточного языка (языка представления знаний в человеческом интеллекте), связующим звеном между значениями и их коррелятами в действительности [8: с. 191]. Тем не менее, если прототип как гештальт имеет определённую организацию, то её можно описать.

На основе идей о прототипах и категориях базового уровня Дж. Лакофф предложил теорию идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), т.е. структур, организующих знания в памяти человека и представляющих собой гештальты, цельность которых обеспечивают четыре типа структурирующих принципов, а именно пропозициональная и образно-схематическая структуры, метафорическое и метонимическое отображения [28: с. 68]. При этом учёный отмечает возможность объединения ряда ИКМ в кластерную модель, более базовую, чем каждая из моделей – членов кластера. Как представляется, прототипическое значение платееосеманта возможно соотнести с ИКМ, а кластерную модель – с объединением нескольких прототипов, входящих в структуру платееосеманта. Из этого следует наличие некоторой сущности, обеспечивающей такую целостность, что согласуется с идеей самого широкого значения, которое принято считать инвариантным (см., например, [9; 12]).

Роль инварианта в семантической структуре платееосеманта

Ещё раз отметим, что под инвариантом понимается «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций-вариантов» [20: с. 80]. По мнению О.Н. Селивёрстовой, «за всеми выделяемыми вариантами (...) стоит некоторый инвариантный, хотя и очень нечёткий концепт» [16: с. 21]. Понятно, что инвариант должен объединять прототипы на более высоком уровне абстракции. И прототипическое, и инвариантное широкое значение – единицы-гештальты базового уровня. Однако, будучи результатами разной степени обобщения, в плане абстракции они разноуровневые. Если в значении платееосеманта выделяется больше одного прототипа, то прототип и инвариант соотносятся как часть и целое. При этом суть гештальт-инварианта широкозначной единицы нельзя понять и посредством суммирования его частей (прототипов). Кроме того, для платееосемантов невозможно выделить какой-либо признак или пучок признаков, который

объединил бы все варианты, так как при широкозначности каждый из прототипов, как это будет продемонстрировано ниже, обладает собственным набором признаков. Это означает, что инварианты платееосеманта и полисеманта принципиально отличаются. Подчеркнём, однако, что сложность определения значения платееосеманта заключается в том, что инвариантное широкое значение более очевидно, чем прототипическое. Это подтверждается тем, что носитель языка, даже филолог, не может определить последнее без специального исследования, и, исходя из личной языковой компетенции, называет лишь некоторые индивидуально-субъективные ассоциаты как иллюстрации значения слова, например, для глагола *делать* – *делать уроки, котлеты*. Другим примером может служить практика преподавания английского языка, где для объяснения семантических различий глаголов-платееосемантов *do* и *make* с общим значением *делать* используются такие традиционные формулировки, как *делать вообще что-то* для *do* и *делать что-то руками* для *make*.

Таким образом, согласно нашей трактовке обе единицы – прототип и инвариант – являются неотъемлемыми элементами семантической структуры широкозначного слова. Она может быть представлена в виде одного или нескольких прототипических значений, каждое из которых обладает собственным набором признаков. Кроме того, предполагается наличие некоторой связи между прототипами, объединяющей их в единое целое, отражающееся в инвариантном широком значении. В значении же многозначного слова прототип и инвариант также потенциально могут быть выделены, но это не облигаторно для описания его семантики.

Метод выявления прототипических значений платееосеманта

В качестве метода определения прототипического значения глагола, т.е. формирующих его семантических признаков, предлагается гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ) в комбинации с контекстным, дистрибутивным и валентным анализом, что было применено к исследованию семантики глаголов типа *делать* (*делать, machen, tun, taisīt, darīt*, частично *make* и *do*). Гипотеза о значении указанных единиц, в семантике которых роль субъекта не столь важна, выводится, главным образом, путём анализа объектов в основной конструкции типа (X) *делать* Y, где объект (Y) представляет собой минимальный контекст, раскрывающий значение указанных предикатов. Затем гипотеза верифицируется экспериментально, в том числе в примерах с конструкциями, полученными за счёт расширения начальной конструкции посредством прилагательных, наречий и (предложных) именных групп (ИГ), а также с залогами конструкциями.

На каждом этапе гипотеза проверяется посредством эксперимента, включающего анкетирование информантов.

Результаты исследования глаголов типа *делать*

Осветим результаты исследования значений русского глагола *делать* и немецких *machen* и *tun*, с которыми соотносятся *make* и *do* в английском языке, и продемонстрируем возможность построения семантической структуры платееосеманта на основе выделения прототипических и инвариантного значений.

Материалом для исследования послужили примеры из лексикографических источников, а также ресурсы корпусной лингвистики, где поиск задавался при варьировании форм глаголов по числу, лицу, роду, времени, а также по формам причастий; ограничение касалось употребления глаголов с приставками и в устойчивых сочетаниях фразеологического характера. Выборка по исследуемым единицам составила 6300 примеров (*machen* – 2400, *tun* – 1400, *делать* – 2500).

Для указанных глаголов было выделено три основных значения.

Во-первых, значение *делать1* вносит информацию о *создании* из объекта *Z* объекта иной *качественной определённости* *Y*, например, *делать сок из апельсинов*, где объекты *Y* (сок) и *Z* (апельсины) – объекты разной качественной определённости, т.е. отличаются «совокупностью своих “существенных” свойств» [21: с. 116]. При этом указание на исходный объект факультативно – *делать цветы*; *Soft machen* (делать сок); *to make a coat* (шить пальто), в ряде случаев он вообще не может быть идентифицирован (делать замечание; *Karriere machen* (делать карьеру); *to make a note of smth.* (записать ч-л.)). Включение в высказывание указания на исходный объект (материал) возможно, если речь идёт о создании физического объекта из физического материала посредством физических усилий, например: *делать кровать из железа*, *einen Tisch aus Holz machen* (делать стол из дерева); *to make nails of iron* (делать гвозди из железа), но нельзя сказать **делать покупки из товаров*; **einen Aufsatz aus den Wörtern und Gedanken machen* (написать сочинение из слов и мыслей); **to make a plan of sketches* (разработать план из набросков).

Наличие признака *создание объекта иной качественной определённости* можно продемонстрировать через анализ следствий, в частности таким следствием является признак *необратимости ситуации*, т.е. невозможен возврат объекта *Y* к прежней качественной определённости, т.е. в состоянии объекта *Z* – сок не может стать снова апельсинами.

Вторым следствием признака *создания объекта иной качественной определённости* является *ори-*

ентация на внутреннюю структуру события, что основано на том, что имеют место события, которые представляются как некоторая целостность, в отличие от событий, в реализации которых можно «вмешаться» или охарактеризовать их как реализуемые по частям (по этапам). Вследствие этого в высказывание может быть включена характеристика, раскрывающая внутреннюю структуру события, т.е. указание на способ действия (*делать прыжок с двойным сальто*; *einen Sprung mit viel Spritzwasser machen* (делать прыжок с большим количеством брызг); *to make chocolate-covered strawberries* (приготовить клубнику, покрытую шоколадом), и нельзя сказать, например, **einen Sprung mit viel Spritzwasser tun*). Такая характеристика может содержаться в значении слова, заполняющего позицию объекта (*он делает сальто*, *er macht eine Grätsche* (он делает прыжок ноги врозь); *he makes a bow* (он делает поклон)). Речь здесь идёт именно о способе действия, а не обстоятельстве образа действия, вносящего информацию лишь о «внешних» по отношению к характеру протекания действия характеристиках, например о времени, скорости, качестве, месте, направлении и т.д. (*Он делает прыжок сегодня, быстро, красиво, со скалы, через ручей*), но не раскрывает само действие, этапы его реализации.

Данное значение *создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации и наличии ориентации на внутреннюю структуру события* обозначим как **создание объекта**. Подчеркнём, что слово «создание» употребляется именно в обозначенном строгом терминологическом смысле и предполагает наличие указанных семантических признаков. Информация о **создании объекта** составляет одно значение глаголов *делать1* (делать стрижку), *machen1* (*Soft aus Äpfeln machen*), *make1* (*to make money*).

Во-вторых, глаголы типа *делать* могут вносить информацию о принципиально ином действии – *преобразовании объекта при сохранении его качественной определённости*, например, *делать женщину красавицей*, *делать кого-то счастливым*, *eine erstaunte Miene machen* (делать удивлённое лицо); *einen krummen Rücken machen* (ссутулиться); *to make smb. smile and laugh* (заставить кого-то улыбаться и смеяться); *to make a marriage happy* (делать брак счастливым). Следствием этого признака является потенциальная *обратимость ситуации*, т.е. объект-результат может принять своё начальное состояние – *женщина* перестаёт быть *красавицей*, *лицо* принимает обычный вид, *кто-то* перестаёт *улыбаться*. В высказывании часто эксплицируются начальный объект и объект-результат, например: *делать из певицы звезду*; *aus ihm einen Superman machen* (сделать из него супер-

мена); *to make family dinners fun* (сделать семейные обеды удовольствием). Однако это имеет место не всегда – *den Dolmetscher machen* (исполнять роль переводчика); *das Haar machen* (укладывать волосы); *to make a long face* (принять огорчённый вид). Значение, определяемое признаками преобразование объекта, сохранение его качественной определённости, обозначим как **преобразование объекта**. Данное значение релевантно для глаголов **делать₂** (делать сына хозяином фирмы), **machen₂** (j-n krank machen), **make₂** (*to make smb. cry*).

В-третьих, рассматриваемые глаголы могут сообщать о реализации некоторого неконкретизированного действия, точнее его **порции**, понимаемой как количество действия, достаточного для того, чтобы считать действие реализованным [24: с. 34], и не вносят информацию о его характере – *делает что-то*; *ничего не делать*; *das einzige Mögliche tun* (делать единственно возможное); *nichts Symbolisches tun* (не делать ничего символического); *to do a funny thing* (странно себя повести); *to do a good job on smth* (сделать что-либо хорошо). Глагол при этом употребляется главным образом с объектами, определяемыми нами как **слабые** или **более конкретизированные**. (Позиция **слабых** объектов занята вопросительными, указательными, отрицательными, неопределёнными местоимениями. **Более конкретизированных** объектов – абстрактными существительными, субстантивированными прилагательными и наречиями. **Сильных** объектов – существительными (вещественными, конкретными, реже отвлечёнными (абстрактными)) и соотносимыми с ними местоимениями, обычно личными, реже указательными.)

Понятно при этом, что имеет место **отсутствие ориентации на внутреннюю структуру события**. Действительно, в высказывание с таким глаголом нельзя включить характеристику, раскрывающую внутреннюю структуру события, например, **einen komplizierten Sprung tun* (делать сложный прыжок), где характеризуется реализация прыжка, **eine schriftliche Äußerung tun* (делать письменное высказывание). В высказывание можно включить только обстоятельства времени, места, цели и т.д., например, *Он делает это в классе, днём, за партией, уже три часа*, но нельзя сказать **Он делает это сложно, в два действия*. Показательными в этом плане являются два примера с немецкими глаголами, противопоставленными по наличию/отсутствию такой ориентации, и словом *der Blick* (взгляд): *einen finsternen/bösen Blick machen* (делать мрачный/злой взгляд) vs *einen verstohlenen/heimlichen Blick tun* (украдкой взглянуть на кого-л.). Глагол *machen* вносит здесь информацию о преобразовании внутренней структу-

ры объекта (взгляд), сохраняющего свою качественную определённость. Характер преобразования раскрывается посредством прилагательного (мрачный, злой), ситуация при этом обратима (взгляд может принять обычное состояние). Глагол *tun*, в свою очередь, вносит информацию о реализации порции действия (некоторого «количества» взгляда), которой дана обстоятельственная характеристика образа действия (украдкой), но не способа действия, вследствие этого действие не представлено как ориентированное на внутреннюю структуру события (взгляд остаётся неизменным).

Информацию о реализации порции действия вносят глаголы **делать₃** (делать добро), **tun** (*nichts tun*) и **do** (*to do good*).

Таким образом, семантическая структура глагола типа *делать* может быть организована значениями **создание объекта**, **преобразование объекта** и **реализация порции действия**, формируемыми собственными наборами семантических признаков. Именно эти основные значения мы и определяем как прототипические. Глаголы **tun** и **do** – однофокусные. Их прототип формулируется как **реализация порции действия**. В свою очередь, глаголы **machen** и **make** представляются двухфокусными. В их семантические структуры входят два прототипических значения: **machen₁** и **make₁** – **создание объекта**, **machen₂** и **make₂** – **преобразование объекта**. Значение же русского глагола *делать* организовано тремя выделенными прототипическими значениями – он трёхфокусный.

Далее обратимся к вопросу об инвариантных значениях рассматриваемых платеемантиков, представляющих собой обобщения более высокого порядка, чем прототипы. Как отмечалось выше, мы исходим из того, что инвариантным значением таких единиц является «сокращённое название класса относительно однородных объектов» [20: с. 81], которые представлены прототипами, это то общее, что содержится в каждом значении слова. Для глаголов **tun**, **do** и **делать** инвариантным значением будем считать реализацию действия. Несомненно, такое описание приложимо к любому другому действию, тем не менее именно на этом значении основывается заместительная функция исследуемых единиц, а также и их более высокая степень широкозначности, например, глаголы **tun** и **do** способны заменять все остальные глаголы, включая *machen* и *make*. Для *machen* и *make* инвариантное значение сформулируем как реализацию взаимодействия с объектами внеязыковой действительности, и такое взаимодействие может принимать вид либо **создания объекта**, либо **преобразования объекта**. Таким образом, семантические структуры указанных глаголов организованы следующим образом (рисунок).

Рисунок. Семантические структуры глаголов

Примечательно, что прототипы широкозначных слов, видимо, могут и не осознаваться носителями языка полностью. Вряд ли человек каждый раз делает выбор между созданием, преобразованием или порцией действия, так как часто неважно, с какой именно прототипической ситуацией соотносится действие. Но благодаря инвариантному широкому значению *реализация взаимодействия с объектами внеязыковой действительности* и *реализация действия* выбирается конкретный глагол: *machen* или *tun*, *make* или *do*. Это ещё раз подтверждает принципиально важную роль инвариантного широкого значения в семантической структуре платеесеманта, оно действительно единично, в то время как прототипов может быть больше одного, вследствие чего в речи реализуется инвариантное и определённое прототипическое значение.

Семантическая деривация в значении платеесеманта

В ходе исследования была также предпринята попытка установить связи между прототипическими значениями глагола и механизмы деривации в рамках отдельного прототипа, что индивидуально для каждой исследуемой единицы. Кратко остановимся на этой проблеме. Как представляется, в структуре глаголов *machen* и *make*, *делать* прототипы *создание объекта* и *преобразование объекта* связаны посредством структурной метафоры, позволяющей одно чётко выделяемое и высокоструктурированное понятие применять для структурирования более абстрактного [29: с. 61]. Посредством онтологической метафоры, представляющей собой «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [29: с. 25], может происходить развитие в рамках прототипов *создание объекта* (*делать1*, *machen1* и *make1*) и *реализация порции действия* (*tun* и *do*). Семантическое развитие в рамках прототипа *преобразование объекта* (*делать2*, *machen2* и *make2*) предположительно происходит на основании метонимического переноса (причина-следствие). Деривация в рамках прототипа *делать3* (*реализация порции действия*) происходит посредством аксиологической конкретизации. При этом прототип *делать3* образуется посредством инварианта первых двух значений (*делать1*, *делать2*). Подчеркнём, что при семантическом развитии внутри одного прототипического значения сохраняется набор семантических признаков и не появляются новые значения глагола. Кроме того, несмотря на предположительное наличие описанной деривации, ни одно из значений не является главным, т.е. отсутствует их иерархия.

Определение широкозначности

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем определить широкозначность как явление, основанное на существовании общего инвариантного значения, которое может быть представлено несколькими прототипическими значениями, участвующими в реализации различных метонимических и метафорических переносов на основании регулярной когнитивной модели, не всегда приводя к образованию нового значения.

Платеесемия vs полисемия

В заключение освещения проблемы, основываясь на вышесказанном, предложим ряд отличительных критериев платеесемии и полисемии:

- 1) основой построения семантической структуры у платеесеманта является прототипическое значение, у полисеманта – ЛСВ;
- 2) различие между инвариантом платеесеманта и полисеманта заключается в том, что в первом случае он уже присутствует в языке в виде широко-

го значения, а во втором – это «научная дескрипция», объединяющая общие семантические компоненты отдельных ЛСВ, видимо, даже не всегда возможная (например, при цепочечной полисемии); при этом с отдельными значениями слов (прототипами и ЛСВ) происходит обратное – ЛСВ уже даны в языке, а прототип – предмет поиска лингвиста;

3) деривационные отношения определяют связь как ЛСВ многозначных слов, так и прототипов широкозначных единиц, однако при платееосемии семантическое развитие имеет место также в рамках самого прототипа;

4) в семантической структуре платееосеманта отсутствует иерархия значений, обязательная для полисеманта;

5) более «молодые» прототипические значения платееосеманта являются, как правило, более употребительными, хотя они появляются путём развития из первых значений; у слов многозначных, напротив, наибольшей частотностью отличаются основные (первые) значения [6: с. 144], служащие базой для развития других ЛСВ;

6) значение слова в речи – при полисемии в контексте актуализируется конкретный ЛСВ [9: с. 53–54], в случае же платееосемии в речи проявляется, в первую очередь, само широкое значение, инвариант, осознаваемое как целостность в отвлечении от частных признаков прототипов;

7) широкозначные слова способны вступать в гиперо-гипонимические отношения и образовывать системные группировки в рамках системы языка;

8) платееосеманты в отличие от полисемантов способны выполнять функцию замещения (что сближает их с местоимениями);

9) полифункциональность широкозначных слов, определяемая указанной функцией замещения, а также тем, что платееосемант в определённых конструкциях выполняет роль полусвязочного глагола; при этом имеет место грамматикализация и, как следствие, сопутствующая ей частичная десемантизация, что позволяет говорить о синсемантизме, выполнении служебных функций широкозначными словами.

Заметим также, что ряд отличий много- и широкозначности, выделяемых некоторыми учёными, – высокий сочетаемостный (лексический, синтаксический) потенциал платееосемантов, их высокая частотность, роль контекста для конкретизации широкого значения – сложно считать релевантными в силу их актуальности для обоих явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова ; предисл. О.И. Бродович. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 216 с.
2. Аралов, А.М. К вопросу соотношения широкого и узкого значения слова (на материале глагола *run* в английском

языке и глаголов *laufen*, *rennen* в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Аралов Александр Михайлович. – Москва, 1979. – 148 с.

3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е стер. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

4. Беляева, Т.М. Развитие связочных глаголов становления в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Беляева Татьяна Михайловна. – Ленинград, 1954. – 222 с.

5. Болдырев, Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний / Н.Н. Болдырев // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; М-во образования и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина ; редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.), Е.М. Позднякова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Москва, Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2007. – С. 29–37.

6. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие / Л.М. Васильев. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.

7. Звегинцев, В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1957. – 320 с.

8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.

9. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон ; под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. – Изд. 3-е. – Москва : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.

10. Колобаев, В.К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) / В.К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983. – № 1. – С. 11–13.

11. Кубрякова, Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев; М-во образования и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 13–18.

12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

13. Никитин, М.В. Полисемия на пределе (широкозначность) / М.В. Никитин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 101–111.

14. Песина, С.А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С.А. Песина // Вестник Омского государственного университета. Приложение: Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 57–63.

15. Плоткин, В.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория / В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – С. 81–86.

16. Селивёрстова, О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О.Н. Селивёрстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26.

17. Селивёрстова, О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селивёрстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
18. Сигал, К.Я. Проблемы теории синтаксиса / К.Я. Сигал ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва : Ключ-С, 2012. – 164 с.
19. Современный словарь иностранных слов. – 3-е изд. стер. – Москва : Русский язык, 2000. – 742 с.
20. Солнцев, В.М. Вариантность / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 80–81.
21. Сулейманова, О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сулейманова Ольга Аркадьевна. – Москва, 1985. – 188 с.
22. Уфимцева, А.А. Лексика / А.А. Уфимцева // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – Москва, 1972. – С. 435–445.
23. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – Москва : ИНФРА, 1997. – 576 с.
24. Холодова, Д.Д. Когнитивный анализ предикатных выражений типа have a talk: Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению «031100.62 – Лингвистика» / Холодова Дарья Дмитриевна. – Москва, 2011. – 82 с.
25. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – Изд. 4-е, стер. – Москва : КомКнига, 2006. – 336 с.
26. Ярцева, В.Н. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке / В.Н. Ярцева // Труды Военного института иностранных языков. – 1947. – № 3. – С. 29–47.
27. Brockhaus Enzyklopädie, in 24 Bänden, neunzehnte, völlig neu bearbeitete Auflage, Band 17. – Mannheim, 1992. – 847 s.
28. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
29. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
30. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch, B.B. Lloyd // Cognition and Categorization. – Hillsdale (N.Y.) : London : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
31. The Oxford English Dictionary. Vol. 12: Poise-Quelt / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – VIII, 1016 p.